

Изъ лекцій по Догматическому богословію

О Богѣ Мздовоздателяѣ.

Выполненіе совѣтовъ Божіихъ о мірѣ въ свящ. писаніи представляется двоякое: 1) *частное*, въ отношеніи къ каждому человѣку послѣ его смерти и 2) *всеобщее*, въ отношеніи ко всему человѣческому роду и ко всему міру.

1.

Частное мздовоздаяніе.

Частное мздовоздаяніе начинается сейчасъ же послѣ смерти человѣка.—Что же такое смерть и весь-ли человѣкъ подлежить ей?

Смерть, по ученію Откровенія, есть наказаніе за нарушеніе заповѣди Божіей,—наказаніе, состоящее въ возвращеніи человѣка въ ту самую персть земную, изъ которой онъ возванъ твореніемъ. Такъ, дѣйствительно, первый грѣшникъ въ мірѣ, Адамъ, возвратился въ землю, за нимъ и каждый потомокъ его идетъ также въ землю. *Единьмъ чловѣкомъ*, говоритъ ап. Павелъ, *грѣхъ въ міръ вниде и грѣхомъ смерть и тако смерть во вся чловѣки вниде, въ немже вси согрѣшиха.*

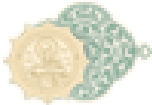
Однако-жь, этимъ не все кончается, потому что чловѣкъ не весь изъ земли: въ немъ есть еще духъ, вдунутый въ него самимъ Богомъ. Душа его не уничтожается. Нельзя представить себѣ, чтобы существо сознающее, разумное, какова душа чловѣческая, перестало существовать. Такъ

Труды Киевской дух. Академіи. Т. III. 1908 г.

учить и свящ. писаніе. Іаковъ, оплакивая сына своего Іосифа, говоритъ: „*сниду къ сыну моему съишу во адъ и тамъ увижу сына*“; значить, что сынъ его, растерзанный, какъ ему сказали, звѣрjami, живъ и что самъ Іаковъ, оставивъ землю, будетъ существовать, потому что говоритъ: „*увижу сына моего*“. Замѣчательна въ этомъ отношеніи особенно книга Ездры, гдѣ описывается, что души въ адѣ имѣютъ затворы, въ которыхъ содержатся, но только до времени, — при чемъ состояніе душъ сравнивается съ состояніемъ младенца въ утробѣ матери: его еще нѣтъ на землѣ, но онъ живъ, зрѣетъ въ утробѣ матери и, когда созрѣваетъ, выходитъ на свѣтъ. Въ новомъ завѣтѣ, начиная съ бесѣды Іисуса Христа съ саддукеями, мысль о безсмертіи души — мысль постоянная. Въ Апокалипсисѣ она изображается даже въ картинѣ: мученики молятъ Бога объ отмщеніи гонителямъ своимъ.

Что бываетъ съ душою по разлученіи съ тѣломъ? гдѣ она находится и въ какомъ состояніи?

На эти вопросы прямыхъ и категорическихъ отвѣтовъ въ священномъ писаніи мы не находимъ. Но не будетъ противорѣчіемъ свящ. писанію предположеніе, что разлученіемъ отъ тѣла въ жизни души совершается нѣкоторая существенная *перемѣна*. И прежде всего, чрезъ разлученіе отъ тѣла душа лишается возможности обнаруживать свою дѣятельность вовнѣ, — возможности — воздѣйствовать на внѣшній міръ и воспринимать дѣйствія отъ него: безъ тѣла для нея невозможно сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ. Нѣтъ у нея языка: слѣд., нѣтъ и возможности открывать свои мысли и желанія другимъ; нѣтъ органовъ для осуществленія своихъ мыслей и желаній дѣломъ. Со всѣмъ своимъ внутреннимъ, унаслѣдованнымъ и лично нажитымъ, содержаніемъ душа уединяется отъ міра и общенія съ людьми, сосредоточивается и замыкается въ себя самой. Но если для нея съ разлученіемъ отъ тѣла закрывается внѣшній міръ, отнимается воз-

возможность общенія съ нимъ,—за то для нея открываются пути къ общенію съ міромъ духовнымъ. Уединившаяся въ себя самой, замкнутая въ собственномъ внутреннемъ мірѣ мыслей, чувствъ и желаній,—мірѣ пережитаго и сдѣланнаго въ земной жизни, она тѣмъ открытѣе и доступнѣе становится для вліянія новой области бытія—духовъ безплотныхъ.

Есть и другое мнѣніе относительно этого предмета: утверждаютъ, что по разлученіи отъ тѣла души умершихъ находятся въ совершенно неподвижномъ покоѣ, въ состояніи глубочайшаго летаргическаго сна безъ мысли, воли и чувства. Такая мысль очень давняя,—ее высказывали еще въ языческомъ мірѣ. Въ мірѣ христіанскомъ она была возобновлена въ XVI в. протестантами, которымъ она понадобилась въ спорѣ съ католиками, какъ основа отрицанія молитвъ церкви за умершихъ, какъ доказательство невозможности общенія земной церкви съ душами умершихъ ея членовъ. Но это мнѣніе противорѣчитъ и самому понятію о душѣ, какъ самосознающей субстанціи, такъ и всему смыслу свящ. писанія ветхаго и новаго заветъа. Нельзя представить, чтобы существо сознающее, разумное, чувствующее и желающее, какова душа наша, перестало существовать сродною ему живнію, сдѣлалось инертнымъ и погрузилось въ бессознательное состояніе, подобное сну. Съ другой стороны, въ свящ. писаніи мы встрѣчаемъ указанія, что душа и по разлученіи съ тѣломъ живетъ сознательною живнію. Патріархъ Іаковъ, оплакивая смерть сына своего Іосифа, говоритъ: „сойду къ сыну своему въ адъ и тамъ увижу его“; но какъ бы онъ могъ надѣяться видѣть сына своего, если бы душу его ожидало бессознательное состояніе? Пророкъ Исаія видѣлъ (въ пророческомъ видѣніи) вавилонскаго царя въ адѣ между другими духами умершихъ изъ разныхъ племенъ и народовъ. Эти духи встрѣчаютъ новаго пришельца въ ихъ общество какъ бы съ изумленіемъ, что тотъ, кто потрясалъ вселенную и думалъ поставить престолъ свой выше звѣздъ

небесныхъ, низверженъ въ адъ и очутился адъсь какъ самый послѣдній изъ нихъ (Ис. XIV, 9—15). Конечно, это пророческій образъ, но имъ несомнѣнно дается мысль о сознательномъ состояніи души умершихъ. Въ притчѣ Спасителя о богатомъ и Лазарѣ круговоръ еще шире: по изображенію притчи, разобщенные между собою богатъ и Лазарь видятъ, слышать, переговариваются другъ съ другомъ. Судя по безповоротному разобщенію праведниковъ и грѣшниковъ въ той области живни, о которой говорится въ притчѣ, можно бы думать, что Иисусъ Христосъ говоритъ о раздѣленіи праведниковъ и грѣшниковъ по суду *всеобщему*. Но такому пониманію препятствуетъ просьба страждущаго въ пламени богача—послать Лазаря на землю, гдѣ живутъ пять братьевъ несчастнаго богача. Ясно, что притча имѣетъ въ виду состояніе душъ умершихъ и разобщенныхъ между собою непреходимую бездню еще *до всеобщаго* суда, когда на землѣ есть еще не умершіе. У ап. Петра мы находимъ даже догматически-точное выраженіе мысли о состояніи душъ по разлученіи ихъ съ тѣлами. Иисусъ Христосъ, говоритъ онъ, духомъ Своимъ сходилъ въ адъ и проповѣдывалъ тамъ душамъ людей, противльшихся иногда, егда ожидаше Божіе долготерпѣніе, во дни Ноевы... Если Иисусъ Христосъ проповѣдалъ такимъ душамъ, значить, онѣ имѣли способность слушать и понимать Его проповѣдь.

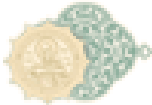
Что встрѣчаетъ душу непосредственно по разлученіи ея съ тѣломъ?

Въ нашихъ церковныхъ книгахъ говорится о мытарствахъ, которыя душа встрѣчаетъ на своемъ пути къ Богу. Что такое эти мытарства и какъ понимать ихъ?—Дѣло тутъ представляется такъ. Душа, и по внутреннему требованію своего богоподобнаго существа, и по усвоеннымъ ею въ церкви началамъ благодати, устремляется къ Богу. Въ этомъ пути ее сопровождаютъ ангелы; путь лежитъ на востокъ. На пути этомъ есть нѣсколько пунктовъ, или заставъ,

О ВОГЪ МЗДОВОЗДАТЕЛЬ.

гдѣ душа задерживается предъявленіемъ на нее правъ со стороны злыхъ духовъ за грѣхи, совершенные ею въ теченіе земной жизни. Отъ этихъ притязаній защищаютъ и ограждаютъ душу ангелы свидѣтельствомъ о добрыхъ дѣлахъ ея, въ противовѣсъ обвиненіямъ. Такихъ встрѣчъ на пути души къ Богу считается нѣсколько и не равно. Древнѣйшій списокъ ихъ съ названіями мытарствъ находится въ словѣ Кирилла Александрійскаго объ исходѣ души. Но полную и обстоятельную повѣсть восхода души къ Богу чрезъ 20 мытарствъ представляетъ житіе преподобнаго Василія Новаго. У него былъ ученикъ Григорій и служительница Феодора. Когда послѣдняя умерла, Григорій молился о ней и выражалъ сильное желаніе знать о ея участи. Феодора явилась и рассказала ему, что, когда она умерла, ее взяли ангелы и повели на востокъ. На пути ее старались задерживать злые духи—приставники или мытари 1) словесъ праздныхъ, 2) лжи и лжесвидѣтельства, 3) осужденія, клеветы и ругательства, 4) чревоугодія, 5) лѣности, 6) воровства, 7) сребролюбія, 8) лихвы, 9) неправды на судѣ, 10) зависти, 11) гордости, 12) гнѣва и ярости, 13) злопомненія и мстительности, 14) бѣшенія и убійства, 15) чародѣянія, 16) блуда, 17) прелюбодѣянія, 18) содомскаго грѣха, 19) ересей и вѣроотступничества, 20) немилосердія и жестокости. Когда она съ великимъ трудомъ и страхомъ прошла не мало пути, то спросила своихъ путеvodителей: „Господа мои, нѣтъ-ли другой дорога?—“Нѣтъ, отвѣчали они,—всѣ христіане проходятъ этою дорогою; некрещенные же посылаются прямо въ адъ“. Вотъ сущность сказанія о мытарствахъ, какъ оно представляется въ житіи преподобнаго Василія. Это—не догматъ, но и не частное мнѣніе, а умопредставленіе церковное. Въ свящ. писаніи о мытарствахъ не упоминается, но всѣ черты этого умопредставленія библейскія. Что душа, вѣрующая во Христа, возрожденная благодатію, отрѣшившись отъ тѣла, устремляется къ Богу,—это такъ и должно быть. Вознесись на небо,

Иисусъ Христосъ указалъ этотъ путь и для вѣрующихъ въ Него. *Аще воскреснете со Христомъ*, говоритъ апостолъ, *вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ, одесную Бога сядя*.—Руководителями на этомъ пути, по сказанію о мытарствахъ, представляются ангелы: это — мысль опять сваян. писанія. Ангелы—*служебные духи въ служеніе посылаемые за хотящихъ наследовати спасеніе*.—Злые же духи представляются полагающими душѣ на пути къ Богу препятствія—мысль также библейская: сваян. писаніе говоритъ что діаволь, какъ левъ, старается поглотить душу чловѣка, а когда же онъ можетъ лучше нападать на нее, какъ не тогда, когда она идетъ къ Богу?—Наконецъ, раздѣленіе мытарствъ по степенямъ также имѣетъ основаніе въ сваян. писаніи, въ которомъ и самые духи дѣлятся по степенямъ: апостолъ прямо называетъ ихъ начальниками власти *воздущіи*.—На первый взглядъ въ сказаніи о мытарствахъ страннымъ представляется способъ расчета испытуемой души съ діаволами на каждой заставѣ. Діаволь задерживаетъ душу, предъявляетъ свое право на нее, кладетъ на вѣсы ея грѣхи. Въ противовѣсъ имъ ангелъ кладетъ ея добрыя дѣла, противоположныя положеннымъ на чашку вѣсовъ грѣхамъ. Бываетъ такъ, что грѣхи перетягиваютъ: тогда ангелъ вынимаетъ златницу и кладетъ ее на чашку съ добрыми дѣлами,— послѣднія перетягиваютъ, и тогда душа освобождается и идетъ дальше, до слѣдующаго мытарства. Что значатъ тутъ эти златницы?—На этотъ вопросъ ангелъ, руководившій Θεодору на пути по мытарствамъ и не разъ платившій за нее такими златницами, отвѣчалъ ей, что златницы сун. молитвы за нее святаго, которому она служила при жизни. Мысль эта съ перваго взгляда представляется похожею на католическій догматъ объ индульгенціяхъ на основаніи вмѣненія заслугъ или добрыхъ дѣлъ сваяныхъ, ссужаемыхъ изъ папской сокровищницы тѣмъ грѣшникамъ, у которыхъ оказывается недочетъ въ собственныхъ заслугахъ къ оправдан-

нію. Но такъ кажется только съ перваго раза. Есть у насъ другое объясненіе, болѣе согласное съ православными догматами. Не вмѣненіе заслугъ праведника грѣшнику помогаетъ послѣдному расчитаться съ діаволомъ, а молитва святаго къ Богу о благодатной помощи грѣшной душѣ. Такое пониманіе дѣла въ данномъ случаѣ находитъ прямое оправданіе въ свящ. писаніи. Богъ любитъ праведниковъ и съ любовію принимаетъ ихъ молитвы о спасеніи грѣшниковъ. Василій преподобный молился за Θεодору, которая служила ему при жизни; эта служба ея праведнику Божію была вмѣстѣ съ тѣмъ службою Богу, по словамъ Иисуса Христа: „напоившій праведника во имя праведниче чашею студеныя воды меду примѣтъ праведнику“. Эти молитвы Василія за Θεодору и были тѣми златницами, которыя прибавлялъ ангелъ къ ея добрымъ дѣламъ, когда ихъ перевѣшивала чашка вѣсовъ съ ея грѣхами.

Итакъ, идея и даже частныя черты мытарствъ не противны свящ. писанію, и христіанская древность подъ образомъ мытарствъ представляла себѣ тотъ неизбѣжный путь, какимъ совершаютъ свой переходъ отъ временной жизни къ вѣчной всѣ человѣческія—добрыя и злыя—души,—тотъ переходъ, во время котораго каждая душа, въ присутствіи ангеловъ и діаволовъ, предъ очами самого Бога, постепенно и подробно истязуется во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Кратко—мытарства суть образное представленіе частнаго суда, который совершаетъ надъ человѣческими душами невидимо самъ Иисусъ Хригосъ,—на которомъ припоминаются и безпристрастно оцѣниваются всѣ дѣла души и послѣ котораго опредѣняется ей извѣстная участь. Есть указанія на частный судъ и въ свящ. писаніи. Такъ, премудрый сынъ Сираховъ говоритъ: *угодно есть предъ Богомъ въ день смерти воздати челоуѣку по дѣломъ его*. Еще яснѣе говоритъ объ этомъ ап. Павелъ: *лежитъ, говоритъ онъ, челоуѣкомъ*

единою умрети (ἀποβῆται τοῖς ἀνθρώποις ἀπὸ θανάτου) *потому же судъ* (μετὰ δὲ τούτου, т. е. ἀποθανεῖν).

Результатомъ частнаго суда является опредѣленіе такой или иной участи для подсудимой души,—опредѣленіе, впрочемъ, не окончательное.

Участь эта имѣетъ много степеней, которая можно подвести подъ три категоріи. Есть такая степень нравственнаго совершенства, что христіанинъ, достигши мѣры полнаго возраста Христова, предназначается ко блаженству. Это—святые, или совершенные, достигшіе безстрастія въ настоящей жизни, потому для нихъ нѣтъ причинъ, которыя бы отдѣляли ихъ отъ Бога. Ихъ блаженство состоитъ въ томъ, что составляло для нихъ блаженство на землѣ, т. е. въ постоянной мысли о Богѣ. Затѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что есть люди *самоосужденные*—степень противоположная первой. Такіе люди, какъ вполнѣ созрѣвшіе во злѣ, соединяются съ діаволомъ еще въ настоящей жизни и отсылаются въ область діавола. Между этими крайностями есть безчисленное множество степеней соразмѣрно степенямъ вѣры, любви и упованія на Бога. Это состояніе душъ прекрасно изображаетъ покойный митрополитъ Московскій Филаретъ въ одной изъ своихъ проповѣдей: „это, говоритъ онъ, души, не достигшія берега, то поднимающіяся вверхъ, то дѣлами оттягиваемыя внизъ“. Состояніе это можно назвать и адомъ, но оно не геена: адъ опустѣлъ со времени сошествія туда Иисуса Христа,—теперь онъ снова наполняется, и при второмъ пришествіи Христовомъ одни освободятся изъ него на вѣки, а другіе низвержены будутъ еще ниже. Такимъ образомъ, адъ есть состояніе душъ, не достигшихъ полнаго совершенства, но и не умершихъ совершенно для жизни. Состояніе этихъ душъ отчасти изображено въ молитвахъ Василія великаго на Пятидесятницу: „ихъ удерживаютъ отъ лицемерія Божіи обдержанія ихъ скверны, но онѣ не лишены надежды на спасеніе“.

Не похоже-ли это на католическое чистилище? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надобно намъ знать правильно, что такое чистилище и какъ понимать его.

Отцы церкви, особенно тѣ изъ нихъ, которые держались платоновскихъ идей о природѣ души и тѣла, говорятъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій объ очищающемъ и освящающемъ душу огнѣ; но никто изъ нихъ не высказывается относительно этого предмета съ такою подробностью и ясностью, какъ Оригенъ. По мнѣнью Оригена, даже и тѣ, которые спасутся, и они должны быть наказаны огнемъ; все, чтѣ въ нихъ остается отъ тростія и соломы, по выраженію апостола,—все это будетъ сожжено; апостолы подвергнуты будутъ этому испытанію точно такъ же, какъ и прочіе христіане. Эта доктрина, которой и самъ Оригенъ не всегда оставался вѣрнымъ (потому что въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ называетъ тѣхъ блаженными, которые не будутъ имѣть нужды въ такомъ огненномъ крещеніи) была осуждена на пятомъ вселенскомъ соборѣ, какъ доктрина еретическая. Слѣды подобныхъ же идей представляютъ сочиненія Григорія Нисскаго и Амвросія Медиоланскаго: по мнѣнью Григорія Нисскаго, огонь очистительный разрушитъ зло до послѣднихъ его слѣдовъ и сдѣлаетъ злыхъ святыми; по мнѣнью Амвросія испытанію подвергнуты будутъ праведники только повинные въ легкихъ грѣхахъ, которыхъ огонь очиститъ для того, чтобы они сдѣлались достойными вступитъ въ рай.

Но Оригенъ и державшіеся его идей о чистилищномъ огнѣ писатели церкви относили это испытаніе огнемъ ко времени *страшнаго* суда и всѣ держались той мысли, что огонь этотъ будетъ тотъ самый, который сожжетъ или лучше преобразуетъ міръ и сдѣлаетъ его достойнымъ жилищемъ блаженныхъ. Августинъ первый въ православной церкви пустилъ въ ходъ, какъ вѣроятное, мнѣніе, что это очищеніе посредствомъ огня будетъ имѣть мѣсто въ адѣ, прежде

страшнаго суда. Подобнаго же мнѣнія былъ и Цезарь Арелатскій. Въ такомъ видѣ мнѣніе объ огнѣ очистительномъ перешло къ Григорію великому или Двоеслову, который больше, чѣмъ кто другой, способствовалъ распространенію этого мнѣнія въ латинской церкви.

Св. Григорій твердо убѣжденъ, что каждый грѣхъ чело-вѣка долженъ быть отмщенъ. Поэтому существованіе очистительныхъ наказаній для него выше всякаго сомнѣнія. Весьма обширныя разсужденія объ этомъ предметѣ находятся въ его Діалогахъ о безсмертіи души и о жизни италійскихъ отцевъ. Должно вѣрить, говоритъ Григорій въ одномъ изъ этихъ діалоговъ, что существуетъ очистительный огонь *до времени страшнаго суда* для нѣкоторыхъ легкихъ прегрѣшеній, каковы празднословіе, неумѣренный смѣхъ, излишнее попеченіе о домашнихъ... также грѣхъ невѣдѣнія о мало-важныхъ предметахъ, что все увеличиваетъ виновность по смерти, если не было очищено въ сей жизни. Ап. Павелъ, сказавъ, что Христосъ есть основаніе, присовокупляетъ: *аще ли кто назидаетъ на основаніи сѣмъ злато, сребро, каменіе честное, дрова, сѣно, тростіе, кождо дѣло явлено будеть...* Хотя слова эти можно понимать о скорбяхъ настоящей жизни, однако если кто будетъ понимать ихъ и объ огнѣ будущаго очищенія, то долженъ только непремѣнно имѣть въ виду, что чрезъ огонь можетъ очиститься не тотъ, кто назидаетъ желѣзо, мѣдь, свинець, т. е. грѣхи тяжкіе и въ той жизни неразрѣшимые, но кто назидаетъ дрова, сѣно, тростіе, т. е. грѣхи легкіе и мало-важные, которые легко истребляются огнемъ. Впрочемъ, не получить тамъ очищенія и отъ малыхъ грѣховъ тотъ, кто не заслужилъ его добрымъ поведеніемъ еще здѣсь на землѣ.

Эта общая мысль, теоретически обоснованная на шаткомъ предположеніи, что всякій грѣхъ *долженъ быть* отмщенъ, и подкрѣпленная произвольнымъ толкованіемъ словъ апостола, доказывается потомъ фактами. Приводится длинная

серія сказаній, которыя не только подтверждаютъ дѣйствительность существованія временныхъ очистительныхъ наказаній по смерти, но опредѣляютъ даже самый *родъ* этихъ наказаній и *мѣсто*, гдѣ они совершаются.

Послѣ Григорія Двоеслова ученіе о чистилищѣ мало по малу становится господствующимъ на западѣ и вводится въ систему церковныхъ догматовъ. Теоретическая основа осталась та же, только подробнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ прежде, раскрытая схоластическимъ богословіемъ, въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ она утверждена на Тридентскомъ соборѣ. Было признано, что для удовлетворенія правосудію Божию за свои грѣхи каждый неизбежно долженъ пострадать, помучиться, потерпѣть временныя наказанія, потому что грѣхъ не можетъ оставаться безъ отщенія. Изъ всякаго произвольнаго грѣха происходятъ двоякія послѣдствія. а) Къ первому разряду относятся *шасіа*, такъ какъ грѣхъ оскверняетъ душу человѣка, *сѹра*, такъ какъ чрезъ грѣхъ мы становимся виновными и безотвѣтными предъ Богомъ, *роена aeterna*, такъ какъ грѣхъ влечетъ за собою вѣчную гибель. Отъ этихъ послѣдствій мы освобождаемся въ *таинствѣ покаянія*. Но такъ какъ окончательная участь каждого будетъ рѣшена только въ день страшнаго суда, между тѣмъ наши отношенія къ Божеству измѣняются въ самый уже моментъ грѣха, то б) еще прежде, чѣмъ праведные удостоятся блаженства, а грѣшники осуждены будутъ на вѣчную гибель, грѣхъ влечетъ за собою и *временныя наказанія*, *роенаe temporales*, болѣе или менѣе тяжкія, сообразно напелі грѣховности. Отъ этихъ послѣдствій человѣкъ избавляется только въ *таинствѣ крещенія*; но сила таинства покаянія на нихъ не простирается, потому что кто, получивъ однажды богатые дары, яже къ животу и благочестію, впадаетъ въ грѣхъ, тотъ по всей справедливости долженъ быть наказанъ, получать должное возмездіе, *роенаe temporales*, въ мѣру своей виновности предъ Богомъ. Если же такъ, то

чистилище существуетъ несомнѣнно; за предѣлами гроба должны быть наказанія для тѣхъ, которые, отходя въ вѣчность, хотя и получили чрезъ таинство покаянія отпущеніе грѣховъ, но не успѣли понести за нихъ временныхъ наказаній. Такова была теорія схоластиковъ, вошедшая погомъ въ догматическія опредѣленія Тридентскаго собора.

Когда, такимъ образомъ, идея чистилища утвердилась и овладѣла умами, естественно явилось многое множество частныхъ вопросовъ, порожденныхъ любопытствомъ.

Весьма важнымъ представлялся, прежде всего, вопросъ, *гдѣ* находится чистилище? По мнѣнію большинства средне-вѣковыхъ богослововъ, чистилище находится *внутри земли*. Но тамъ же, по общему мнѣнію, находится и адъ. Отсюда являлся вопросъ, одно-ли и то же адъ и чистилище? Не совершаются-ли чистилищныя наказанія въ аду?

На это въ средніе вѣка отвѣчали, что адъ и чистилище смѣшивать никакъ не слѣдуетъ, что это два различныхъ мѣста, лежація, впрочемъ, одно отъ другого по сосѣдству. Спрашивали дальѣ, узники чистилища находятся и терпятъ свои муки всѣ-ли *вмѣстѣ*, или же распределены *по разнымъ мѣстамъ*? На это отвѣчали такимъ образомъ: всѣ узники чистилища распределены на нѣсколько категорій и для каждой изъ нихъ отведено особое помѣщеніе. Вообще, все подземное царство раздѣляется на нѣсколько *особыхъ*, хотя и смежныхъ, сферъ, которыя расположены одна надъ другою. Насчитывали *четыре* главныхъ отдѣленія со многими подраздѣленіями. Выше всѣхъ другихъ отдѣленій (*superior pars*) находится *лоно Авраамова* или *лоно отцовъ* (*limbus patrum, sinus Abrahae*). Здѣсь находились ветхозавѣтные праведники, пока не вывелъ ихъ отсюда Иисусъ Христосъ. Это—мѣсто мученій, такъ сказать, отрицательныхъ, которыя состояли въ томъ, что, не испытывая какихъ-либо положительныхъ мученій, праведники лишены были лицезрѣнія Божія, въ чемъ собственно состоитъ блаженство рая. Но лишенные

этого, ветхозавѣтные праведники жили чашиемъ пришествія Искупителя.—Ниже лона отцовъ лежитъ *лоно ѡбтей* (*limbus puerorum, infantium*). Тутъ томятся невинныя души младенцевъ, родившихся внѣ христіанской церкви, а также и тѣ изъ христіанскихъ дѣтей, которыя умерли безъ крещенія. Положеніе ихъ сравнительно съ ветхозавѣтными праведниками имѣеть ту особенность, что они не имѣють надежды на спасеніе. За лономъ дѣтей слѣдуетъ *purgatorium*, собственно такъ называемое *чистилище*. Наконецъ, въ самомъ низу, у центра земли помѣщается *infernum, адъ*.

Различіе между мученіями ада и чистилища состоитъ въ томъ, что первыя вѣчны, послѣднія преходящи. Чистилище есть мѣсто временнаго ареста за долги, оставшіеся отъ земной жизни. Потому тяжесть здѣшнихъ страданій смягчается надеждою, что имъ всетаки будетъ конецъ. Но когда именно? Какъ продолжительны будутъ чистилищныя наказанія? Относительно этого не говорили въ средніе вѣка ничего опредѣленнаго. Наиболе авторитетные богословы высказывались только, что въ чистилищѣ каждый долженъ пострадать въ мѣру грѣха, пока не будетъ уплаченъ сполна долгъ, лежащій на немъ. Но извѣстной мѣры грѣха какая соотвѣтствуетъ продолжительность наказаній, объ этомъ не говорили. Такъ, Беда достопочтенный держится мнѣнія, что всѣ, которые не могутъ избѣгнуть чистилища, пробудутъ тамъ до самаго страшнаго суда. Другіе, какъ, наприм., Доминикъ Сото, полагали, что чистилищныя наказанія будутъ продолжаться не свыше двадцати лѣтъ, а для многихъ и того меньше.

Но всего больше въ средніе вѣка занимались вопросомъ о самомъ родѣ чистилищныхъ наказаній, ихъ тяжести и характерѣ: въ чемъ состоятъ будутъ эти наказанія? что послужить средствомъ и орудіемъ для наказанія? похожи-ли чистилищныя наказанія по своему характеру на адскія? можно-ли сравнивать ихъ съ земными страданіями? Какъ ни

трудны эти вопросы, но въ средніе вѣка отвѣчали и на нихъ. — Тогдашніе богословы говорили, что въ чистилищѣ существуетъ два рода наказаній: *poenae sensus* и *poenae damni*; *poenae damni* суть наказанія духовныя; по своей сущности это наказанія, такъ сказать, отрицательныя, — узники чистилища, подвергнутые этимъ наказаніямъ, лишены лицезрѣнія Божія. Напротивъ, *poenae sensus* суть наказанія чувственныя: преданные имъ подвергаются какому-либо положительному наказанію. Самымъ главнымъ орудіемъ этихъ наказаній служить *огонь* и огонь, притомъ, матеріальный. Узники чистилища, говоритъ *Томас Аквинатъ*, наказываются огнемъ тѣлеснымъ (*ignis corporalis*). Огонь чистилищный, говоритъ *Бонавентура*, огонь тѣлесный. Разница между огнемъ земнымъ и чистилищнымъ состоитъ въ томъ, что огонь чистилища не нуждается для своего питанія и поддержанія ни въ какомъ вещественномъ матеріалѣ. Увѣренность въ этомъ была такъ велика, что средневѣковые богословы подняли даже вопросъ: какимъ образомъ вещественный огонь можетъ причинять дѣйствительную боль и страданіе существу нематеріальному, простому и духовному, каковы души чистилища, разлученныя съ тѣломъ? Придуманы были разнообразныя рѣшенія этого вопроса, изъ которыхъ, впрочемъ, ни одно не удовлетворяло лучшихъ богослововъ. *Томас Аквинатъ* сознается, что объ этомъ предметѣ можно разсуждать только гадательно, а *Бонавентура* прямо говоритъ, что этотъ вопросъ совершенно не разрѣшимъ, — что это тайна Божія, — что единственное рѣшеніе его состоитъ въ томъ только, что для Бога нѣтъ ничего невозможнаго.

Кромѣ огня, въ чистилищѣ есть и другія орудія казни. *Бернардъ* относитъ къ нимъ необыкновенную суровость *холода*, допуская при этомъ, что, кромѣ мученій въ огнѣ и холодѣ, въ чистилищѣ могутъ имѣть мѣсто и другія подобныя мученія. Никто изъ богослововъ не бралъ, впрочемъ, на себя труда опредѣлить подробнѣе, въ чемъ именно будутъ

состоять эти наказанія другого рода. Но существовало общее правило, сформулированное Бонавентурою, что „противное уничтожается противнымъ“, т. е. каждый грѣхъ долженъ быть наказываемъ чѣмъ-либо совершенно противоположнымъ: гордость—униженіемъ, лѣность—постоянною и тяжелою дѣятельностію, и т. д.

Вотъ католическое представленіе о чистилищѣ. Само собою понятно, что въ такомъ видѣ оно никакъ не можетъ быть нами принято, потому что всё, поднятое средневѣковыми богословами, чистилищные вопросы для своего рѣшенія не имѣютъ ни малѣйшаго основанія въ свящ. писаніи. Если же чистилище понимать какъ состояніе, не лишенное для души надежды на помилованіе, въ такомъ смыслѣ оно можетъ быть принято и нами. Но можетъ-ли душа по смерти тѣла очищаться? Безъ сомнѣнія, *можетъ*, потому что она не можетъ и тогда оставаться въ одномъ положеніи, такъ какъ способности ея, и по смерти тѣла, не могутъ оставаться пассивными и недѣтельными. Душа и тогда будетъ дѣйствовать такъ, какъ начала она дѣйствовать здѣсь. Потому она и можетъ очищаться, если только оставила тѣло съ истиннымъ и твердымъ раскаяніемъ, потому что направленіе это можетъ продолжаться и тогда; ничто не можетъ препятствовать ей и тамъ постоянно мыслить о Богѣ, желать утвердиться въ волѣ Божіей, помышлять о блаженствѣ. Слѣдовательно, это время, т. е. время отъ смерти до страшнаго суда, не можетъ быть для души потеряно. Оно потеряннымъ можетъ быть только для тѣхъ, которые умерли въ отчаяніи, совершенно потерявши время настоящей жизни.

Отсюда разрѣшается вопросъ и о томъ, *въ какомъ отношеніи мы должны находиться къ умершимъ?* Это отношеніе можно и должно назвать именемъ *союза*, въ которомъ мы должны стоять по отношенію къ совершеннымъ или святымъ, уже предназначеннымъ къ блаженству, и къ *среднему состоянію* душъ, продолжающихъ и по смерти

тѣла свое духовно-нравственное очищеніе. Тѣ же, которые еще въ настоящей жизни самоосудили себя *къ аду*, отдѣляются отъ тѣла церкви и стоятъ *вне союза* съ нею.

Наши обязанности по отношенію къ совершеннымъ или святымъ суммируются въ православномъ догматѣ о *почитаніи святыхъ*.

М. Ястребовъ.